

Московский педагогический
государственный университет

Г. Л. Ильин

НАУКА УБЕЖДАТЬ

Москва
2018

Георгий Ильин

**Наука убеждать (опыт
обоснования проективной истины)**

«МПГУ»

2018

УДК 37.01
ББК 74.00+74.200.51

Ильин Г. Л.

Наука убеждать (опыт обоснования проективной истины) /
Г. Л. Ильин — «МПГУ», 2018

ISBN 978-5-4263-0658-5

Монография имеет целью развитие у читателей культурно-исторического мышления, способствующего пониманию новой роли образования в современном постоянно меняющемся мире. Вместе с тем в ней проводится идея общеисторического культурного единства людей, основанного на общности человеческого мышления в разные исторические времена, в современном и древнем мире, в различных сферах познания. Утверждается, что не только религиозная, не только нравственная или политическая, но и научная и инженерно-техническая истины представляют собой проявление человеческих сущностных сил, точнее говоря, их проекцию на окружающий мир. Истина в этом понимании (в любом ее виде) представляет собой глубокое внутреннее убеждение человека, связанное с тем или иным фактом, явлением, событием, не существующее отдельно, независимо от человека – носителя этого убеждения. На примере Евангелий исследуются способы утверждения проективной истины, анализируется роль религии в духовных поисках человечества и формировании идеи современного гуманизма. Монография рекомендуется слушателям курса «Проективное образование личности», также будет интересна аспирантам, магистрантам образования и слушателям системы дополнительного педагогического образования. В оформлении обложки использована иллюстрация к Библии Ю. Ш. Карольсфельда «Иосиф толкует сны фараона».

УДК 37.01
ББК 74.00+74.200.51

ISBN 978-5-4263-0658-5

© Ильин Г. Л., 2018

© МПГУ, 2018

Содержание

1. Научное образование в условиях демократизации общества[1]	7
1.1. Демократизация – устойчивая тенденция общественного развития	8
1.2. Демократизация и кризис современной науки	10
1.3. Научная истина как продукт демократизации	12
1.4. Диверсификация научной истины	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Георгий Леонидович Ильин
Наука убеждать (опыт
обоснования проективной истины)

© МПГУ, 2018

© Ильин Г. Л., 2018

1. Научное образование в условиях демократизации общества¹

Образование, наука, культура в целом и демократия – все эти понятия в обыденном общественном сознании рассматриваются как тесно связанные. Именно поэтому как бы само собой разумеется, что демократия возможна лишь в культурных, образованных странах, что наука развивается на основе образования и что образование способствует демократизации общества и повышению уровня науки и культуры. В общем, чем больше одного, тем больше всех других. Так ли это на самом деле, какие отношения складываются между этими социальными институтами в условиях демократизации общества, каков социальный и исторический фон этих изменений и какие они имеют последствия для развития образования – об этом пойдет речь в дальнейшем изложении.

¹ В данной главе использован дополненный текст из книги: *Ильин Г. Л.* Философия образования (концепция непрерывности). М.: Вузовская книга, 2000. С. 125–151. Дополнения приведены в списке литературы под фамилией Ильин. Все они являются разъяснением и развитием идеи проективного личностного образования как разновидности непрерывного образования.

1.1. Демократизация – устойчивая тенденция общественного развития

Важнейшим фактором происходящих социальных изменений выступает процесс демократизации общества. Демократизация рассматривается здесь как характеристика общественной жизни, определяющая степень вовлеченности каждого и любого члена общества в различные формы общественной деятельности, в том числе и в управление обществом, к которому она, как правило, сводится. В нашем понимании демократизация не сводится к расширению участия в политической жизни, но, учитывая распространенность этого термина и отсутствие более адекватного, будем и впредь использовать его, имея в виду это замечание.

Заметим, что вовлеченность не означает влияние отдельной личности на процесс, в котором она участвует. Демократизация означает, во-первых, что социальные процессы приобретают все более массовый характер, во-вторых, что массовость социальных процессов сопровождается их диверсификацией и увеличением разнообразия, в том числе составляющих и обслуживающих социальные процессы идей, представлений и ценностей. Соединение первого и второго дает третье – массовости социальных процессов сопутствует индивидуализация как следствие их дифференциации. Социальные процессы становятся проявлением целей, представлений, желаний и потребностей массовой личности. Лишь становясь массовой, личность начинает определять социальный процесс.

Демократизация в этом расширенном понимании является наиболее общей и устойчивой тенденцией общественного развития, определяемой ростом роли личности как представителя массы, массовой личности, в жизни не только отдельного региона, но и обитаемого мира в целом, в развитии био- и ноосферы. Массовое образование, всеобщее избирательное право и стремительное развитие средств массовой коммуникации способствовали небывалому вовлечению личности в социальные процессы, составляющему суть процесса демократизации. Массовое производство породило массового потребителя, массовую моду, массовое сознание и массовую культуру. Вместе с тем именно демократизация в изложенном понимании способствовала небывалому росту динамики общественных процессов во всех сферах общественной жизни, придала новый импульс процессу переоценки всех ценностей, ставшему основой нового мироощущения – постмодернистской формы общественного сознания.

Итак, вовлеченность все большего числа членов общества в социальные процессы делает эти процессы массовыми, а участие личности в массовом процессе порождает особый тип личности, «человека-массу», в определении Ортега-и-Гассета. Но социальные процессы, становясь массовыми, изменяют не только людей, но и социальные институты, которые с ними связаны, – научные, образовательные, экономические, правовые, производственные. Эти институты приобретают новые свойства и характеристики, новые формы и направления развития, изменяются их социальная роль и назначение. Таково действие фактора демократизации в современной жизни.

Демократизацию принято рассматривать как фактор позитивный, способствующий общественному развитию. Именно демократизация сделала религию в форме протестантизма личным делом каждого верующего и способствовала обновлению религии, многообразию ее форм. Именно демократизация общества способствовала утверждению всеобщего образования как императива общественной жизни, как критерия социального развития. Именно демократизация способствовала превращению науки из занятия одиночек-любителей и одержимых в массовую профессию, род общественно необходимой работы. Именно демократизация сделала культуру массовой и всеобщей, то есть создала условия для приобщения каждого члена общества к общенациональной и мировой культуре.

Демократизация уничтожала избранность, привилегированность – свойства, которые были присущи всем перечисленным формам общественной жизни (религии, образованию, науке и культуре) и которые в значительной степени определяли их возникновение и первоначальное развитие. Вместе с тем уничтожались связанные с ними кастовость, сословность, классовость – свойства социальной организации, которые обеспечивали культивирование знаний, их сохранение и развитие, контроль за распространением и использованием.

Все это не могло не отразиться радикальным образом на характере этих общественных форм, их содержании и их взаимоотношениях. Демократизация, выступавшая на протяжении веков и устойчивой тенденцией общественного развития, и общественным идеалом, сделала массовыми образование, науку и культуру, но каковы последствия этого превращения? Не является ли современное кризисное состояние общества и его институтов (науки и образования) результатом развития демократизации?

Уточним, что в нашем понимании речь идет не о конкретных формах политического правления, а о расширении вовлечения личности во все виды общественной жизнедеятельности. Ответ на этот вопрос представляется важным не только в свете отечественного кризиса: российское общество, может быть, в более острой форме переживает проблемы, свойственные всем индустриально развитым странам.

• *Демократизация в изложенном выше понимании является важнейшим фактором социальной жизни, определяющим развитие и взаимоотношения таких социальных институтов, как наука и образование. Исследование влияния этого фактора необходимо для понимания происходящих изменений в социальном статусе и взаимоотношениях науки и образования.*

1.2. Демократизация и кризис современной науки

Наиболее важным проявлением кризиса современной науки следует признать изменение отношения к науке и научному мировоззрению как доминирующему в современном обществе. Для того чтобы проиллюстрировать важность этого изменения, обратимся к одному из наиболее ярких критиков современной науки – П. Фейерабенду, автору «анархистской» теории познания, философу и методологу науки, обратившему научное мышление против самой науки.

Для нашего исследования представляют интерес следующие его высказывания. *«Наука обладает не большим авторитетом, чем любая другая форма жизни. Ее цели, безусловно, не важнее тех целей, которым подчинена жизнь в религиозных сообществах или племенах, объединенных мифом»* [65, с. 455]. Поэтому, по мнению Фейерабенда, *«наука не должна навязывать всем свою картину мира, как это делается в современном обществе. Каждый человек должен иметь возможность формировать свое собственное мышление и жить в соответствии с теми социальными убеждениями, которые он считает для себя наиболее приемлемыми. Поэтому отделение церкви от государства следует дополнить отделением науки от государства»* (там же).

Словно отвечая на опасения, высказываемые в связи с падением интереса к науке и технике, Фейерабенд продолжает: *«Не следует опасаться, что такое отделение приведет к разрушению техники. Всегда найдутся люди, которые изберут карьеру ученого и которые охотно подчинятся необременительному (духовному и организационному) рабству при условии хорошей оплаты и существовании людей, проверяющих и оценивающих их работу»*. *«Это отделение науки от государства может оказаться нашим единственным шансом преодолеть чухотное варварство нашей научно-технической эпохи и достигнуть той человечности, на которую мы способны, но которой никогда не достигали»* (там же, с. 456).

При всей экстравагантности и популистском характере высказываний Фейерабенда есть немало оснований относиться к «методологическому анархизму» с большим вниманием. Для того чтобы пояснить сказанное, обратимся к аналогии, используемой критиками современной науки, начиная с Э. Маха [33, 1909], – аналогии между наукой и церковью. В свете этой аналогии высказывания Фейерабенда о современной науке приобретают иной смысл. Фейерабенд, подобно Лютеру, борющемуся с католической церковью, восстает против современной науки, ставшей, по его мнению, своего рода церковью, обладающей той же властью над умами людей и той же нетерпимостью к инакомыслию, как и католическая церковь времен Лютера.

Нельзя не отметить остроту, меткость, а главное, убедительность и справедливость многих высказываний Фейерабенда о мнимой компетентности современной науки, ее умении высказывать об одном и том же предмете прямо противоположные суждения, способности менять убеждения под влиянием ненаучных обстоятельств. Он настойчиво убеждает, что кажущаяся сложность науки определяется недостатками ее преподавания и что *«современная наука вовсе не столь трудна и не столь совершенна, как стремится внушить нам пропаганда науки»* (там же, с. 464).

Стремясь разрушить *«наивную и почти детскую веру в науку»*, Фейерабенд отмечает, что современная наука, в отличие от науки предшествующих эпох, сильно изменилась, стала *«мощным бизнесом, формирующим мышление его участников. Хорошее вознаграждение, хорошие отношения с боссом и коллегами в своей "ячейке" – вот основные цели тех "человеческих муравьев", которые преуспевают в решении крохотных проблем, но не способны придать смысл тому, что выходит за рамки их компетенции»* (там же, с. 464).

В отличие от других исследователей [37, 1990; 66, 1992], видящих решение проблемы в восстановлении авторитета науки, пропаганде ее значения для жизни современного обще-

ства, возрождении ее гуманистических идеалов, для Фейерабенда это решение представляется исчерпавшим свои возможности: наука должна уступить притязаниям на власть и влияние в общественной жизни другим формам знания, иным формам культуры.

Одной из причин, определяющих кризисное состояние современной науки, называется ее массовый характер (ученым может стать почти каждый), превращение в отрасль индустриального производства, что ведет к потере наукой традиционного облика занятия для избранных, ее отрыву от традиционных гуманистических ценностей и идеалов, которые позволили ей выстоять и взять верх над религиозным мировоззрением [37, 1991].

Это утверждение, отражающее реальное положение современной науки, имеет кардинальное значение для развития образования, обеспечивающего массовость науки. Массовое образование способствует разрушению науки, во всяком случае, в ее классическом понимании. Без формирования новых критериев научности современное образование, построенное в основном на картезианской научной парадигме и картезианском научном мировоззрении, не сможет развиваться далее.

Таким образом, мы можем констатировать разрушение прежней картины отношений между наукой, культурой и образованием. Складывается впечатление, что демократизация выступает как фактор, не только развивающий, но и разрушающий современную науку; наука, теряющая былую определенность и категоричность в суждениях о мире, перестает быть опорой образования, наконец, массовое образование, в свою очередь, способствует распаду науки. Устанавливаются отношения, едва ли не противоположные тем, которые были ранее.

• *Демократизация, способствуя созданию массовой науки на основе массового образования как условия существования современного общества, ведет к радикальным изменениям в понимании науки и критериев научности, ставящих под сомнение ее ведущую роль в современном мире.*

1.3. Научная истина как продукт демократизации

Начнем с отношений, сложившихся между наукой, религией и образованием с XVI века, начала новой европейской истории, связанных с формированием современного индустриального общества.

Обсуждая проблему происхождения машинного производства, А. Бергсон заметил: *«Не вызывает сомнений, что первые очертания того, что впоследствии должно было стать механизацией, появились одновременно с первыми стремлениями к демократии... Не должны ли мы предположить в таком случае, что именно первое дуновение демократии дало толчок духу изобретательства, столь же древнему, как само человечество, но не очень активному, пока ему не предоставили достаточно места?»* [3, 1994, с. 335].

Наиболее ярким выражением демократизации науки следует признать понятие объективной истины, ставшее подлинным знаменем научного познания с начала индустриальной эпохи и остающееся таковым по сей день. «Объективная» означает не только независимая от воли человека и вообще чьей-либо воли. «Объективная» означает всеобщая, доступная всем, не принадлежащая никому, «ничья» истина.

В этом своем качестве научная истина противостояла прежде всего истине религиозной. В религии предполагалось, что истина – от Бога и доступна лишь тем, кто верит в него и следует его заветам, то есть ведет определенный образ жизни, следует определенным нравственным правилам. Тем самым религия как мировоззрение предполагала определенную этику, и наука, отвергая религиозное понимание истины, отвергала и религиозную этику. Это расхождение становилось чем дальше, тем глубже. Более того, наука намеренно отделяла себя не только от религиозной истины, но и от религиозной этики, особенно там и тогда, где и когда встречала противодействие своему любопытству, своему пониманию мира и своему развитию. Это необходимо признать, как бы мы ни рассматривали историю их отношений (см. [12, 1980]).

Это не означает, что наука стала безнравственной, хотя такое обвинение бросалось ей не раз, но несомненно, что наука отделилась от нравственности в той мере, в какой она перестала подчиняться определенным и именно религиозным нравственным требованиям и поскольку она не имела собственных, – разработка нравственных принципов не была задачей науки, противоречила ее пониманию объективной истины как независимой от интересов и желаний людей, а следовательно, и этических норм.

Формирование нравственности происходит, как известно, прежде всего в семье и школе. Причем с распространением всеобщего и массового образования эта роль все больше переходила к школе. На всем протяжении истории развития индустриального общества массовое светское образование выступало своего рода заместителем религии в вопросах этического воспитания: по мере секуляризации общества, по мере того как церковно-приходские и воскресные школы заменялись светскими, по мере того как религиозные представления вытеснялись научными, религиозная этика теряла свое влияние.

Образование само по себе, как социальный институт, не несет какого-либо этического содержания, оно может быть либо религиозным, либо научным, в зависимости от знаний, которые оно дает. Отделение религии от государства означало отделение образования от религии и превращение его в научное образование. Но научное образование не может быть подлинно этическим по соображениям, приведенным выше.

С другой стороны, трудовая, семейная, социальная этики, осваиваемые в современной школе в процессе воспитания, чаще всего представляют собой обрывки практической морали, столь же спорные, сколь и противоречивые, которые не выражают какого-либо цельного мировоззрения и не опираются на что-то подобное.

В настоящее время образование там, где оно стремится оставаться подлинно научным, разделяет судьбу науки в плане отношения к нравственным принципам: подобно науке, стремящейся к объективной истине, оно стремится создать личность, автономную в поведении, не зависящую в своем понимании мира от общественных взглядов и оценок.

Но в основе такого рода воспитания лежит вполне определенная мораль: мораль нигилизма и релятивизма, особенно пагубная для молодого поколения. Представители более взрослого поколения рано или поздно обнаруживают, что такой независимости, как и ничьей истины быть не может, но это уже приобретение «житейского», а не научного образования.

По сей день остается загадкой как для отечественных, так и для зарубежных политологов и аналитиков внезапный и стремительный распад «советской империи». В свете сказанного можно с уверенностью утверждать, что важнейшей его причиной стали вовсе не многолетняя «вражеская пропаганда», не «заговор жидомасонов», не всемирная победа либерализма, оставившего бег истории [64, 1990], не «иуда-предатель» Горбачев и даже не «беловежский сговор», а кропотливая, ежедневная деятельность миллионов советских учителей и преподавателей, исповедовавших научное мировоззрение и обращавших в него в обязательном порядке неопитов на протяжении семи десятилетий советской власти. Этот распад явился завершением огромной работы, проделанной на ниве просвещения учителями и преподавателями, которые, «не ведая, что творят», подрывали своей деятельностью нравственные устои того общества, которому они служили, разрушали коммунистическую идеологию и ее моральные ценности. Научное образование, чуждое любой морали, дискредитировало государственную коммунистическую мораль так же, как перед этим оно дискредитировало религиозную мораль и религиозное мировоззрение.

Развал «советской империи» явился яркой иллюстрацией «цивилизационного эффекта», с которым сталкивались все страны, имевшие колонии. Представители метрополии приходят в страну, имеющую родоплеменную организацию и соответствующее мировоззрение, ведут большую миссионерскую, просветительскую и образовательную работу, развивают промышленность, торговлю, создают рабочие кадры и интеллигенцию, но в конце концов, рано или поздно, вынуждаются покинуть страну или выбрасываются из нее в результате освободительного движения, то есть в результате развития национального самосознания, разбухшего их предшествующей деятельностью.

Отечественное образование выступило в роли важнейшего фактора, определившего «цивилизационный эффект», когда превратило страну с неграмотным и полуграмотным населением в страну с всеобщим и обязательным средним образованием. Нынешнее освободительное движение, как национальное, так и идеологическое, – конечный продукт научного образования.

Может показаться, что речь идет о проблемах исключительно отечественной социальной науки и отечественного образования. Однако это не так. Проблемы соотношения науки и нравственности возникают, как отмечалось выше, на всех интенсивно развивающихся научных и научно-промышленных направлениях в самых разных странах. Примером могут служить высказывания Фейерабенда о необходимости отделения науки от государства в сфере образования для решения названных проблем: *«Наука и школа должны быть разделены столь же тщательно, сколь тщательно разделены в наши дни школа и религия»* [58, 1986, с. 466].

Изменения отношений науки со смежными социальными институтами сопровождаются изменениями в самой науке. Происходит пересмотр научных критериев объективности и истинности и самого понимания науки. Пересматриваются отношения между наукой и ненаучным знанием. Происходит стремительная дифференциация наук и как следствие – потеря целостного и единого научного мировоззрения.

Наука превратилась в индустриальную отрасль по производству необходимых обществу знаний. Исходное для науки стремление понять, как устроен мир, все более заменяется стремлением понять, что надо сделать для того, чтобы достичь нужного результата.

Таковы изменения в науке, которые произошли, на наш взгляд, под влиянием фактора демократизации, выразившейся в поиске всеобщей, а следовательно, ничьей истины, истины, свободной от нравственных ограничений и желаний людей. Суть ныне происходящих в науке изменений состоит в том, что научная истина теряет ничейный характер и становится личной ценностью, личным достоянием своего носителя.

- *Классическое представление о научной истине как объективной, всеобщей и ничьей, сформировавшееся вследствие и под влиянием демократизации общества, в настоящее время все в большей степени обнаруживает свою ограниченность и нуждается в обновленном понимании.*

1.4. Диверсификация научной истины

О необходимости выработки нового понимания науки, ее методов и критериев научности пишут многие отечественные исследователи (Н. С. Автономова, П. П. Гайденко, В. П. Зинченко, С. Г. Кара-Мурза, С. П. Курдюмов, В. В. Налимов, В. П. Филатов и др.). В настоящее время можно говорить о нескольких пониманиях научной истины и, соответственно, критериях научности. Прежде всего следует назвать «картезианский идеал» науки и научной истины, основными методологическими принципами которого являются следующие положения:

общие законы значимы для всех и всегда;

научное знание нейтрально по отношению к этике, политике;

субъект, сознание качественно отличны от объекта, природы, их противостояние – условие объективности познания;

знание дает власть над природой [59, 1990, с. 156].

Этот идеал научной рациональности представлен в работах и методах исследования Галилея, Бэкона, Ньютона, Лейбница, Канта и других ученых. Представление о природе как гигантском часовом механизме лежало в основе научного мировоззрения, которое принято называть механистическим.

Однако современная наука уже не может быть сведена к этому идеалу научного знания, научной истины, хотя он сохраняет свое влияние по сей день. И это отклонение от классического образца началось довольно давно, едва ли не с начала его формирования в XVII–XVIII веках, когда представлениям ньютоновской науки были противопоставлены взгляды, представленные в учениях Шеллинга, Гегеля, Гете, для которых характерно рассмотрение природы как развивающегося целого, обладающего самодвижением; механистическому пониманию природы противопоставлялось мировоззрение, в основе которого были представления о природе как своеобразном живом организме. В. П. Филатов называет эту форму научного мировоззрения диалектической наукой. В свете диалектического мировоззрения научная истина выступила как *«процесс развития знания, в котором достигается соответствие понятия предмету мысли»* (Филос. энцикл. словарь, 1989). Взамен противостоянию субъекта объекту познания на первый план выдвигается их взаимодействие. Научная истина выступает как процесс и продукт этого взаимодействия.

Помимо диалектической науки, которую В. П. Филатов называет альтернативной по отношению к картезианской науке, он выделяет еще две формы современного научного мировоззрения, еще две альтернативных картины мира – русский космизм и критическую экологию.

Русский космизм представлен именами Н. Ф. Федорова, А. В. Сухова-Кобылина, В. В. Докучаева, К. Э. Циолковского, В. И. Вернадского, А. Л. Чижевского и др. [47, 1993]. Наибольшую известность приобрело учение В. И. Вернадского о ноосфере как продукте биологической, социальной и космической эволюции нашей планеты. Менее известен и еще менее понятен современному читателю тот философский и даже религиозно-мистический контекст, который определял развитие этого мировоззрения и в котором человек рассматривался как часть космоса, а разум и научное знание как планетарное явление, как продукт космической эволюции [67, 1992].

Критическая экология – направление в общественной жизни, *«объединяющее ученых и не ученых – писателей и журналистов, экономистов и философов, педагогов, рабочих, студентов и т. п.»* [59, 1990, с. 171]. Представители критической экологии, апеллируя к общественному мнению, предупреждают о гибельности пути, по которому движется человечество, уничтожая природные ресурсы и не думая о последствиях, о той цене, которой покупается научно-технический прогресс и достижения цивилизации. Для этого направления характерно стремление подчинить науку этике и политике, во всяком случае, в решении экологических проблем.

Каждое из альтернативных направлений нарушало или даже сознательно отвергало то или иное положение картезианского идеала научного знания. Таким образом, мы можем констатировать, вслед за другими исследователями, что в самой науке существуют значительно различающиеся представления о научной истине, ее происхождении, способах получения и использования. Хотя все эти разновидности научной истины возникли не сегодня, но именно в наше кризисное время они обрели актуальность. Демократизация общества способствует как их нынешнему проявлению, так и дальнейшему существованию.

Налицо подлинный кризис научного знания. Различия в понимании научного знания влекут за собой различия научных истин, их множественность. Однако возможен ли такой вывод? Возможно ли существование двух истинных и при этом не тождественных представлений об одном и том же предмете, понятии, явлении? Разве истинное представление не является единственным, исключаящим все прочие как неистинные? И разве не в этом состоит его основное достоинство и основная особенность? “*Verum plus uno esse non potest*”, – говорили древние римляне, – больше одной истины быть не может. Каким может быть выход из существующего положения?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.